

rocketbook

Говард ЛАВКРАФТ

Цвет из иных миров

Говард Филлипс Лавкрафт

Цвет из иных миров

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168414
Зов Ктулху. Рассказы. Повести: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-50666-8

Аннотация

«К западу от Аркхема много высоких холмов и долин с густыми лесами, где никогда не гулял топор. В узких, темных лощинах на крутых склонах чудом удерживаются деревья, а в ручьях даже в летнюю пору не играют солнечные лучи. На более пологих склонах стоят старые фермы с приземистыми каменными и заросшими мхом постройками, хранящие вековые тайны Новой Англии. Теперь дома опустели, широкие трубы растрескались и покосившиеся стены едва удерживают островерхие крыши. Старожилы перебрались в другие края, а чужакам здесь не по душе. Никто не прижился на фермах, ни франкоканадцы, ни итальянцы, ни поляки. Как ни старались, ничего у них не получилось. У всех с первых же дней пробуждалась фантазия, и, хотя жизнь текла своим чередом, воображение лишало покоя и навевало тревожные сны. Потому чужаки и спешили уехать, а ведь старый Эмми Пирс не рассказывал им ничего из того, что он помнит о старых временах. С годами Эмми стал совсем чуждым, вроде как не в своем уме.

Он единственный, кто знает всю правду о прошлом и не боится расспросов, но ему не позавидуешь. Ведь не боится он потому, что его дом стоит на отшибе рядом с полем и проезжими дорогами...»

Говард Филлипс Лавкрафт

Цвет из иных миров

К западу от Аркхема много высоких холмов и долин с густыми лесами, где никогда не гулял топор. В узких, темных лощинах на крутых склонах чудом удерживаются деревья, а в ручьях даже в летнюю пору не играют солнечные лучи. На более пологих склонах стоят старые фермы с приземистыми каменными и заросшими мхом постройками, хранящие вековые тайны Новой Англии. Теперь дома опустели, широкие трубы растрескались и покосившиеся стены едва удерживают островерхие крыши. Старожилы перебрались в другие края, а чужакам здесь не по душе. Никто не прижился на фермах, ни франкоканадцы, ни итальянцы, ни поляки. Как ни старались, ничего у них не получилось. У всех с первых же дней пробуждалась фантазия, и, хотя жизнь текла своим чередом, воображение лишало покоя и навевало тревожные сны. Потому чужаки и спешили уехать, а ведь старый Эмми Пирс не рассказывал им ничего из того, что он помнит о старых временах. С годами Эмми стал совсем чудным, вроде как не в своем уме. Он единственный, кто знает всю правду о прошлом и не боится расспросов, но ему не позавидуешь. Ведь не боится он потому, что его дом стоит на отшибе рядом с полем и проезжими дорогами.

Когда-то по холмам и долинам вилась тропка, которая ве-

ла прямо к окаянной пустоши, но по ней давно перестали ходить, так как здесь проложили другую дорогу, обогнувшую ее с юга. Следы прежней виднеются, несмотря на наступающий лес, и она сохранится, даже когда большая часть низин уйдет под новое водохранилище. Почерневшие деревья вырубят, и проклятая пустошь погрузится в воду. Тайны тех странных дней останутся неразгаданными, вроде тайн старого океана или происхождения земли.

Когда я отправился по холмам и долинам наметить место для будущего водохранилища, меня предупредили, что это проклятый край. Я услышал о пустоши в Аркхеме, а поскольку этот старинный городок весь пропитан легендами о ведьмах, то я подумал: видно, речь идет о чем-то таком, о чем бабушки шепчут своим внукам. Да и само выражение «окаянная пустошь» показалось мне неожиданным и каким-то театральным. Любопытно, как оно попало в предания благочестивых пуритан, подумал я тогда, но, увидев темную чересполосицу долин и склонов, перестал удивляться чему-либо, кроме древних тайн самого края. Я оказался в пустоши утром, но ее застилала густая тень. Деревья росли слишком близко друг к другу, и у них были слишком толстые стволы для здорового леса Новой Англии. Слишком тихо было под их кронами, а земля после долгих лет запустения размякла, опрела и покрылась мхом.

На открытых местах вдоль старой дороги притулились заброшенные фермы. На одних уцелели и дома, и все при-

стройки, на других — дом и один-два сарая, а иногда в глаза бросались лишь труба или погреб. Там царствовали сорняки и вереск, и в них чудилось что-то неуловимо дикое. Во всем ощущалось беспокойство и вместе с тем уныние, присутствие чего-то нереального, словно неведомая сила искажала перспективу или светотень. Неудивительно, что тут никто не задерживался, в таких местах нельзя жить. Местность напоминала пейзажи Сальватора Розы или гравюру, иллюстрирующую готический роман.

Но окрестности не шли ни в какое сравнение с самой окаянной пустошью. Я понял это, как только спустился в долину. Никакое иное название ей бы не подошло, да другую впадину так бы и не назвали. Можно подумать, что неизвестный поэт увидел выжженное пространство и отчеканил это определение. Должно быть, пожар уничтожил дома и посевы, но почему на пяти акрах земли с тех пор ничего не выросло и они зияли среди полей и лесов, как страшное серое пятно? Пустошь раскинулась к северу от старой дороги, заняв клочок земли и по другую сторону. Мне не хотелось к ней приближаться, но мой путь пролегал через долину, и я никак не мог ее обойти. Вокруг не росло ни травинки. Землю застилали груды серой пыли или пепла, почему-то не тронутые порывами ветра. Поодаль стояли чахлые, низкие деревья, а омертвевшие стволы или повалились, или, чернея, догнивали на корню. Я прибавил шагу, заметив раскиданные кирпичи от печной трубы и погреба и черную пасть заброшенно-

го колодца. Его застоявшиеся пары переливались на солнце фантастическими оттенками. Даже темная лесная гряда по сравнению с пустошью казалась благополучной, и меня больше не изумлял боязливый шепот жителей Аркхема. Вблизи не было ни домов, ни развалин, наверное, край с давних пор считался глухим и уединенным. Возвращаясь в сумерках, я не решился вновь пересечь пустошь и добрался до города окольными дорогами. Темное, бескрайнее небо без единого облака усугубляло тревогу, и я почувствовал, как ледяной страх с каждой минутой все глубже проникает мне в душу.

Вечером я спросил стариков об окаянной пустоши и поинтересовался, что значит выражение «странные времена» и почему о них избегают говорить. Мне отвечали невнятно и сбивчиво, но все же я понял, что речь идет не о старом предании, а о событиях, случившихся всего сорок с лишним лет назад – в восьмидесятые годы. Мои собеседники многое забыли, их воспоминания противоречили одно другому, но можно было догадаться, что в «странные времена» в долине сгорела ферма, а жившая на ней семья то ли исчезла, то ли погибла в огне. Они не ручались за точность своих слов, но все как один просили меня не обращать внимания на бредовые рассказы старого Эмми Пирса. Именно поэтому я наведаясь к нему следующим утром, узнав, что он живет один в полуразвалившейся хижине с густым, запущенным садом. Его жилище внушало страх своей ветхостью, от него исходил гниловатый запах, типичный для домов, простоявших слиш-

ком долго. Мне пришлось настойчиво стучать. Наконец вышел старик и неуверенно прошаркал к двери. Похоже, мое появление его совсем не обрадовало. Эмми выглядел бодрее, чем я ожидал, но его глаза были как-то странно потуплены, а неряшливая одежда и длинная седая борода красноречиво свидетельствовали о том, что он давно махнул на себя рукой и ни с кем не общается.

Я притворился, будто зашел по делу, надеясь, что он рано или поздно разговорится, рассказал ему о прогулке по окрестностям и задал несколько общих вопросов о здешних краях. Но он сразу сообразил, что к чему, да и вообще оказался неглупым и образованным. В отличие от местных жителей Эмми не возражал против того, что леса и фермы окажутся под водой, хотя, возможно, потому, что его дом стоял у дороги и ему ничто не угрожало. Казалось, он испытывал облегчение оттого, что мрачные долины, которые исходил вдоль и поперек за свою долгую жизнь, наконец исчезнут. Хорошо, что они уйдут под воду, сказал он, но лучше бы их затопило еще в те странные времена. Его сиплый голос перешел в шепот, он наклонился и погрозил кому-то указательным пальцем правой руки.

Так я впервые услышал эту историю. Он тихонько бормотал, а меня не однажды пробирал озноб, хотя день выдался по-летнему жарким. Мне часто приходилось прерывать старика и уточнять научные термины, которые он запомнил, прислушиваясь к разговорам ученых, и восстанавливать ло-

гику происходившего, так как он многое пропускал. Когда он закончил, я уже не удивлялся, что память его подводила, а другие и вовсе не желали говорить об окаянной пустоши. Я поспешил вернуться в отель до заката и первых звезд и наутро выехал в Бостон. Ноги моей здесь больше не будет, твердил я себе. Да пропади он пропадом, этот сумрачный край с его вымершей долиной, пеплом и проклятым колодцем. Черт с ними, с их темными тайнами, скоро от них ничего не останется, уйдут на дно, и слава богу. Но даже тогда меня не потянет ночью в окрестные долины, и уж во всяком случае я не отправлюсь туда при зловещем сиянии звезд. А если мне доведется еще раз побывать в Аркхеме, я ни за что не стану пить тамошнюю воду.

Все началось с метеорита, сказал старый Эмми. В наших местах давным-давно, наверное, со времен охоты на ведьм, ни о каких диковинных легендах и слуха не было. В лесные чащи на западе ходили спокойно, а если и боялись чего-либо, то уж не их, а маленького острова в Мискатонике, где дьявол вершил суд возле старого каменного алтаря, который был там еще до индейцев. Ни леса, ни темень в них никого не пугали. Но как-то днем на небо выплыло большое облако, слышались взрывы, а над долиной поднялся столб дыма. К вечеру весь Аркхем знал, что с неба на ферму Нейхема Гарднера упала огромная скала, прямо за колодцем. В ту пору на месте окаянной пустоши стоял чистый белый дом Нейхема Гарднера, и его окружал цветущий сад.

Нейхем отправился в город рассказать о камне и по дороге завернул к Эмми, которому было сорок лет, поэтому любую странность он запоминал на всю жизнь. На другое утро из Мискатоникского университета приехали три профессора, и Эмми с женой отправились вместе с ними на ферму Нейхе-ма поглядеть на посланца небес, наличие которого пришлось признать даже профессорам. Он лежал на выжженной земле возле колодца, и ученых удивило, что Нейхем назвал камень огромным. Он уменьшился за день, пояснил озадаченный фермер, и указал на выемку в земле и примятую траву у колодца. Ему резонно возразили, что камни не уменьшаются. От метеорита исходил ровный жар, и, по словам Нейхе-ма, ночью он чуть заметно светился. Профессора постучали по нему молотками. Камень оказался непривычно мягким, и они не стали его раскалывать, а отрезали кусок. Он жег руки и никак не остывал, тогда его положили в ведро и повезли в лабораторию. На обратном пути ученые остановились у Эм-ми. Миссис Пирс обратила внимание, что кусок сплюснулся и прожег днище, но профессора уже не проявили прежнего скептицизма.

Через день – все это случилось в июне 1882 года – профессора не на шутку встревожились. Заехав по дороге к Эмми, они сообщили ему, что обломок начал выкидывать странные номера и под конец исчез вместе со стеклянной колбой. Ученые упомянули о его чувствительности к кремнию. Опыты повергли их в замешательство. Сначала его разогрели на уг-

лях, но он даже не выделил газ. Соединение с раствором борной кислоты дало отрицательный результат. Он не реагировал на перепады температуры, в том числе и в кислородно-водородной трубке с гремучим газом. Обломок легко ковался и светился в темноте, но по-прежнему не желал остывать. Вскоре это вызвало в университете настоящий переполох. Спектроскоп выявил в нем полосы необычайных тонов, не похожих ни на один из оттенков цветовой гаммы. Ученые робко заговорили о новых элементах, причудливой оптике и прочих особенностях камня и признали, что столкнулись с неизвестным феноменом.

В ходе опытов обломок соединяли с разными реагентами. Ни вода, ни хлористая кислота на него не действовали. От азотной кислоты и царской водки он зашипел и стал разбрызгивать плевки. Эмми с трудом припомнил названия, но узнал некоторые растворы, когда я перечислил их в привычном порядке. Там были нашатырный спирт и едкий натр, спирт и эфир, тошнотворный карбон дисульфид и дюжина других. Хотя за это время он стал гораздо легче и немного остыл, его составляющие не изменились, значит, по сути, ничего не изменилось. Несомненно, это был металл, обладавший магнетическими свойствами. После погружения в жидкие растворы на нем обозначились таинственные отпечатки, похожие на те, что раньше обнаруживали на железных метеоритах. Когда обломок еще похолодел, решили переложить его в стеклянную колбу. О результатах профессора уже

сказали, добавив, что утром на деревянной полке остался обгорелый след. Все это они рассказали Эмми, задержавшись у его двери. Он вновь поехал с ними посмотреть на каменного посланца звезд, но на сей раз не взял с собой жену. Метеорит ощутимо уменьшился, и даже здравомыслящие ученые не могли усомниться в истинности этого. Возле колодца у сжавшейся коричневой глыбы образовалось пустое пространство со впадинами, а сам он занимал пять футов вместо семи. Он по-прежнему был горячим. Профессора достали молоток и долото и откололи еще один кусок, покрупнее. Теперь им удалось продолбить метеорит довольно глубоко, и они обнаружили, что структура камня неоднородна.

В него был впаян цветной шар, похожий по оттенку на один из составляющих цветов метеора. Впрочем, цвет — это условное обозначение, и это слово возникло лишь из-за невозможности подобрать какое-то другое. Глобула была гладкой, хрупкой, что выяснилось при постукивании. Один из профессоров довольно сильно ударил по ней молотком, и она с хлопком взорвалась. Ничего не осталось, даже маленького осколка. Они увидели пустое пространство около трех дюймов в диаметре. Все подумали, что в сердцевине могут быть скрыты и другие глобулы, которые выявятся по мере уменьшения камня.

Вскоре профессора уехали, забрав с собой обломок. В лаборатории быстро выяснилось, что его состав столь же загадочен, как и состав его предшественника. Он был пластичен,

горяч, неярко светился, немного остывал при соприкосновении с крепкими кислотами, обладал неизвестной в природе цветовой гаммой и растворялся в воздухе, выделяя кремниевую смесь. По окончании опытов ученые не смогли его классифицировать. Ничего подобного на земле не встречалось, это был осколок мира, наделенный непонятными свойствами и подчинявшийся чуждым законам.

В ту ночь в округе бушевала гроза. Когда на следующий день профессора в очередной раз приехали на ферму к Нейхему, их ждало горькое разочарование. Должно быть, магнитный камень обладал электрическими свойствами. По выражению Нейхема, он только и делал, что «притягивал свет». За час фермер насчитал шесть вспышек, но, когда гроза закончилась, от камня осталась только яма возле старого колодца. Раскопки ни к чему не привели, и ученые подтвердили факт исчезновения метеорита. Им ничего не оставалось, как вернуться в лабораторию и наблюдать за тающим днем ото дня обломком, который они держали в свинцовом ящике. Он просуществовал неделю, но ничего нового они не узнали.

Через некоторое время ученые уже и сами не верили своим глазам. Они сомневались, что видели частицу бездонной небесной пропасти, странного, таинственного вестника иных миров и другой реальности.

Естественно, что в аркхемских газетах появилось много статей и заметок на эту тему. Упавший метеорит быстро стал

сенсацией, и к Нейхему Гарднеру и его семье зачастили репортеры. Статью о метеорите напечатала и одна бостонская газета. Нейхем сделался местной достопримечательностью. По словам Эмми, это был худощавый приветливый человек лет пятидесяти, мирно живший в своем доме с женой и тремя сыновьями. Он и Эмми знали друг друга с давних пор, дружили семьями, и Эмми даже спустя полвека отзывался о нем с неизменной теплотой. Кажется, Нейхему немного льстило, что его ферма привлекла такое внимание. Летом он частенько говорил о метеорите, хотя свободных минут у него было мало. В июле и августе он целыми днями косил и заготавливал на зиму сено на десятиакровой пашне вдоль Чепменс-Брук, и от его дребезжащей повозки на дороге осталась глубокая колея. Работа утомляла его сильнее, чем в прошлые годы, и он решил, что понемногу начинает сказываться возраст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.